

Глава 14. Роль идеологическо-политического поля напряжения в судьбах современного Востока

Понятие поля идеологическо-политического напряжения не является общеупотребительным в современной политологической терминологии и потому требует некоторых пояснений. В самом общем виде речь идет о том, что в политологии прошлого, да и нынешнего века именовалось зонами влияния тех или иных держав. Но к одному этому проблема не сводится. Имеются в виду не только зоны политического влияния, т. е. непосредственного политического воздействия одних стран на другие, но и влияние косвенное, идеологическое, доктринальное.

Векторы политического и идеологического влияния могли совпадать, как то чаще всего бывало в случае с исламизацией, но могли и не совпадать. Буддизм, например, мирно проникал в страны, весьма далекие от Индии, где он появился на свет. Но для XIX и тем более для XX в. стало закономерностью сближение этих векторов, даже слияние их и соответственно взаимное усиление. Отчего это произошло? XIX век поляризовал мир на две его неравные части, западную и незападную, капиталистическую и некапиталистическую. Хотя эта поляризация в реальности была противостоянием, но просто к противоборству не сводилась. Напротив, доминантой ее было активное воздействие капиталистического Запада на некапиталистический мир традиционного Востока (в широком смысле этого слова) с тем, чтобы преобразовать его по своему образу и подобию. Эта объективная поставленная историей сверхзадача способствовала сближению цивилизационного (западного идеологического), политического и экономического (экспансия капитализма) векторов и слиянию их в противостоянии всему незападному и некапиталистическому миру в целом, включая и такие его давно уже прозападные части, как Россия. Некапиталистический не-Запад, в том числе и Россия, этому активно сопротивлялся, выдвигая на передний план идею собственной самобытности в самых различных ее вариантах. В результате в мире возникало великое множество доктринальных религиозно-идеологических импульсов, противостоявших западнокапиталистическому и в меру своих сил нейтрализовавших его. При этом доктринальные идейно-религиозные импульсы обычно сливались по вектору с политическим сопротивлением соответствующих стран, так что сближение и слияние политического и идеологического векторов стало нормой и для трансформирующегося традиционного Востока.

XX век внес свои весомые коррективы в это противостояние. Во-первых, он положил конец кажущемуся единству глобального западнокапиталистического противостояния некапиталистическому не-Западу. Противоречия между странами Запада, до поры до времени как-то решавшиеся на уровне европейской политики и дипломатии, вышли за пределы этого уровня, проявив себя в двух мировых войнах, в ходе которых многие из стран Востока оказались втянутыми метрополиями или иным образом во враждующие политические блоки. Во-вторых, мощные тоталитарно-утопические европейские по происхождению доктрины в силу ряда благоприятствовавших им обстоятельств превратились в глобальную идеологическо-политическую силу. С одной из таких

доктрин, фашизмом, весь мир соединенными усилиями покончил во второй мировой войне. Вторая, коммунистическая, напротив, вышла из этой войны в числе победителей и обрела дополнительный престиж, весьма привлекательный для незападного некапиталистического мира, о чем уже достаточно подробно говорилось.

В результате этих исторических перемен в мире сложился новый и еще более, чем в XIX в., резкий биполярный баланс сил. Он возник сразу же после второй мировой войны, когда место поверженного фашизма в качестве грозной противостоящей буржуазной демократии силы занял сталинский коммунизм, да еще и оснащенный атомной, а потом и водородной бомбами. Биполярный баланс, усиленный средствами массового уничтожения с обеих сторон, создал в мире два мощных по импульсу и заряду противостоящих друг другу вектора силы. Эти векторы, в свою очередь, породили мощные поля идеологическо-политического напряжения, причем такие поля стали постоянно действующими, хотя и пульсирующими, волнообразно усиливающимися либо чуть ослабевающими. Важно добавить к сказанному, что, хотя поля напряженности, о которых идет речь, сложились только после второй мировой войны, первые признаки их существования появились в мире значительно раньше, вскоре после октябрьского переворота в России в 1917 г. и возникновения Коминтерна, ставившего своей целью координацию усилий коммунистов во всем мире ради уничтожения капитализма и буржуазной демократии. Коминтерн, как известно, активно работал и в странах Востока, но преуспел только в некоторых из них, более всего – в странах Дальнего Востока, для чего, как явствует из приводившегося выше анализа, были благоприятные условия.

Поля напряженности как глобальная всепланетная сила состояли как бы из двух надвигающихся друг на друга и теснящих одна другую противостоящих и заряженных противоположными зарядами сил. И от того, в чьей зоне оказывались те или иные страны, многое зависело. Стоит сразу же оговориться, что речь не только о зоне непосредственного политического влияния, как о том уже упоминалось, но также и о сфере опосредованного идеологического воздействия, которое временами проявляло себя в самых разных местах – практически везде, где возникал феномен вакуума политической силы, причем именно тогда, когда этот вакуум становился особенно серьезным и заметным.

Итак, феномен вакуума политической силы, превращающийся под воздействием идеологическо-политических полей напряжения в важный фактор ориентации и выбора пути, начал играть весьма существенную роль в жизни стран современного Востока в постколониальное время. Как конкретно это выглядело?

Восток на перепутье
Дальний Восток и Юго-Восточная Азия
Африка южнее Сахары
Исламский Восток
Южная Азия

Восток на перепутье

Постколониальный Восток не мог оставаться таким, каким он был до времен колониально-капиталистической экспансии. Не мог потому, что времена изменились, что весь неевропейский мир так или иначе был уже втянут в систему мирового рынка, т. е. рынка капиталистического со всеми вытекавшими из этого следствиями, вынуждавшими страны Востока к трансформации в сторону еврокапиталистической модели развития. Соппротивление такого рода трансформации было естественным для любого нормального социополитического организма. Практически это означало, что в каждом регионе, в каждой из стран Востока, да и в любой другой неевропейской некапиталистической стране складывалось свое соотношение сил между теми, кто ощущал и сознавал необходимость перемен ради выживания и направлял свои усилия к тому, чтобы оптимально приспособиться к новым условиям жизни, и теми, кто ни при каких обстоятельствах не желал изменений и решительно им сопротивлялся. Япония и Иран были своего рода символами, олицетворением обеих тенденций, крайними точками достаточно обширного диапазона вариантов, продемонстрированного Востоком.

Противоборство обеих тенденций внутри каждой страны было нормой для стран Востока в XX в., причем оно еще более усилилось после деколонизации. Во многих случаях результатом его было взаимное гашение противостоявших друг другу импульсов. И хотя эти импульсы временами усиливались, порой даже рождая мощные вспышки, сама по себе постоянная ситуация противоборства рождала синдром внутренней политической слабости, неуверенности и шатаний, колебаний в выборе пути для новых, да и не новых государств. Это и есть тот вакуум политической силы, о котором уже упоминалось. Вакуум не в том смысле, что нет власти или у власти нет никакой силы. Порой бывало в избытке и то, и другое. Суть вакуума в том, что у власти нет серьезной и надежной опоры в стране, как нет никакой уверенности в том, что народ готов ее активно поддержать. Соответственно нет и политического иммунитета. А это значит, что при любом легком воздействии со стороны, при слабом даже сгущении туч идущего извне политического и идеологического напряжения того или другого характера страна достаточно легко подвергается инфекции, заражению чужими идеями. А так как ветры меняются, а вместе с ними на смену одним тучам могут прийти другие, то изменяется и поле напряжения, характер заражения. И если отойти от метафор и говорить строгим политологическим языком, то все это означает, что на политический выбор страны оказывается достаточно несложно повлиять извне. Решающим фактором в этих условиях, как то уже отмечалось, становится фактор внешний. Под сильным внешним воздействием большинство стран Востока и делало свой выбор судьбы, выбор пути.

Каждый знает, что такое выбор, особенно серьезный, судьбоносный, единственный в своем роде. Сделать его непросто, и правильное решение дается не всем и не всегда. Особенно когда есть весомые “за” и “против” в любом из вариантов выбора. Для стран постколониального Востока выбрать еврокапиталистический путь и открыть все двери частной собственности, включая иностранную, и свободному рынку означало обрести поддержку метрополии и вчерашней колониальной администрации, получить необходимую финансовую, техническую и иную помощь. Но это в то же время означало длительное и достаточно унижительное существование под давлением структурно

чуждой силы (синдром неокOLONиализма) и в большинстве случаев требовало в какой-то мере пожертвовать традициями, а то и религиозно-цивилизационной и национально-культурной идентичностью. То есть жить уже не так, как жили предки. И хотя сложность ситуации и степень зависимости при этом сильно варьировали (одно положение в Индии, другое в Африке), чем-то жертвовать в обмен на успехи в развитии по еврокапиталистическому пути все-таки так или иначе приходилось всем. Но, как известно, несмотря на это, многие страны Востока твердо избрали именно такой путь, бескомпромиссно следовали ему и, как правило, за несколько десятилетий уже немало достигли. Практически сказанное означает, что страны, сделавшие подобный выбор, оказались в поле идеологическо-политического напряжения Запада, его образа жизни.

Был и иной выбор, сделав который можно было сохранить привычную структуру, но при этом, как тогда казалось, тоже преуспеть в развитии. Этот выбор был притягателен тем, что можно было решительно отказаться от ненавистного капитализма, сохранить традиционные для Востока нормы эгалитарного коллективизма с авторитарной властью при жесткой, но привычной социальной дисциплине населения. Правда, при этом не было места ни экономической, ни вообще какой-либо иной свободе, без чего немислим свободный рынок. Но зачем он, этот рынок, если можно обойтись и без него, как о том свидетельствовал опыт стран марксистского социализма, прежде всего могущественного СССР

Марксистский социализм в его псевдонаучной упаковке и с его зримыми тогда, в середине века, достижениями был весьма привлекателен для многих интеллектуалов Востока, активно искавших выход для своих стран из кризисного тупика. Преимущество его было, помимо прочего, в том, что идеологический заряд утопической доктрины был в чем-то схож с привычными эгалитарными утопиями народных масс и тем самым хорошо на них воздействовал, бил, что называется, в самую точку. Богатые собственники и собственность как таковая, если она не была обусловлена силой власти, ставились под сомнение, особенно в их не слишком уважавшейся на Востоке частной индивидуальной форме, что явно импонировало воспитанному во многих странах Востока на эгалитарных утопиях населению. Преимуществом было также то, что марксистско-социалистический выбор не требовал радикального переустройства структуры. Достаточно было отнять имущество у собственников и раздать его неимущим – и все преобразования, к удовольствию большинства, на этом завершались. Далее восстанавливалась привычная норма, разве что несколько более жесткая, чем прежде.

Итак, сложившееся в мире еще до второй мировой войны и резко усилившееся, поляризовавшееся противоборство двух полей политического и идеологического напряжения настоятельно требовало от деколонизовавшегося Востока определить свои позиции, сделать свой выбор. Этот выбор определялся многими факторами, о которых уже говорилось достаточно подробно. Сложность была в том, что факторы действовали в разных направлениях, опирались на противостоявшие друг другу тенденции и в силу этого нередко взаимно нейтрализовывались. Во многих случаях в результате возникал вакуум политической силы. И тем самым на передний план выходили факторы субъективные, будь то случай, стечение обстоятельств, решение группы активных деятелей и т. п. А все эти субъективные факторы, в свою очередь, были весьма подвержены влиянию со стороны, обретали потенции под воздействием

тех самых полей напряжения, о которых идет речь. Именно так решилась в свое время наша судьба, судьба России, после чего опыт России внес свой вклад в расстановку сил и определение сфер влияния разных полей напряжения.

Говоря о постколониальном Востоке на перепутье, следует обратить внимание еще на один аспект проблемы. Выбор капиталистического пути давал в целом однотипные результаты, хотя они и варьировали в зависимости от потенциала страны, ее исходного уровня и возможностей. Выбор марксистско-социалистического пути означал выход на зыбкую почву уже не вариантов, а экспериментов, что вело к непредсказуемым и весьма различным результатам. Конечно, в чем-то общем и главном они тоже были однотипны: ни один из экспериментов к добру не привел. Но в остальном различия были весьма существенными. Одни режимы оказывались жесткими, другие более умеренными, третьи вообще отходили от догмы марксизма и искали истину в создании идейно-институциональной смеси из марксизма и социализма иных типов, прежде всего исламского. Даже в официальной марксистской лексике этот диапазон различий нашел свое отражение (“страны социализма” и “страны социалистической ориентации”), хотя на деле разница была много более ощутимой и существенной и, главное, гораздо более связанной с цивилизационным фундаментом соответствующих стран, нежели то воспринималось догматической терминологией истматовского марксизма.

Цивилизационный фундамент в процессе выбора в условиях вакуума силы и постоянно действовавших полей напряжения сыграл, между тем, настолько существенную роль, что целесообразно учитывать именно его в первую очередь при рассмотрении конкретных ситуаций в различных странах современного постколониального Востока.

Дальний Восток и Юго-Восточная Азия

Дальневосточный регион – это страны конфуцианской традиции; регион Юго-Восточной Азии в цивилизационном плане более сложен, хотя и тут конфуцианская традиция не только ощутима, но и порой, при посредстве хуацяо, явственно доминирует как раз в той самой сфере экономики, развития, которая прежде всего важна для анализа. Много общего в судьбе этих двух соседних регионов было в те решающие годы, которые для большинства стран определили выбор пути. Стоит напомнить в этой связи, что почти все страны, о которых идет речь, были в годы второй

мировой войны оккупированы Японией, а это практически означало ликвидацию или сведение на уровень марионеток правительств соответствующих государств там, где эти государства существовали. Там, где до того были колонии, это означало ликвидацию колониальной администрации и замену ее оккупационным режимом. Поражение Японии означало освобождение оккупированных стран и территорий обоих регионов с последующей их деколонизацией. Но деколонизация в подобного рода обстоятельствах как раз и вела к ситуации вакуума власти и выхода на передний план субъективных факторов, потенции которых выявлялись под заметным воздействием извне, со стороны того или иного поля напряжения.

В первую очередь упоминания в этой связи заслуживает Вьетнам. Сразу же после капитуляции Японии в условиях не просто вакуума, но практического отсутствия власти и системы администрации наиболее организованной силой оказались коммунисты, чья ориентация на определенное поле напряжения в аргументах не нуждается. Вьетнам – северная его часть – был первым из государств Востока, если не считать Монголию и советские азиатские республики, где был сделан решительный выбор в пользу марксистского социализма. Выбор вполне осознанный и активно поддержанный местным населением, охотно солидаризировавшимся с коммунистическими лозунгами о равенстве, социальной справедливости, осуждении частной собственности и т. п. В том, что на этот выбор оказало решающее воздействие влияние извне, т. е. поле идеологического воздействия, сомневаться не приходится: и сам Хо Ши Мин, и другие руководящие деятели вьетнамской компартии получали свое образование и становились коммунистами во Франции, где в те годы соответствующие идеи были широко распространены, особенно в студенческих кругах. Но в той же Франции получали то же образование и заражались теми же идеями и представители иных стран Востока. Однако коммунистическое правительство возникло именно на севере Вьетнама, а не где-либо еще, по крайней мере в 1945 г. Почему? Как раз потому, что конфуцианский цивилизационный фундамент оказался наиболее для этого благоприятен, а обстоятельства политического характера были таковы, что социополитический организм потерял иммунитет. В итоге занесенная извне коммунистическая идея с легкостью овладела этим ослабленным и податливым именно по отношению к ней организмом.

Нечто подобное при сходных, хотя и заметно иных обстоятельствах случилось с родственными в цивилизационном плане Вьетнамом, Китаем и Кореей. Вступление СССР в войну с Японией в августе 1945 г., уже после Хиросимы, когда Япония находилась в состоянии шока, сыграло едва ли не решающую роль в создании на Дальнем Востоке принципиально новой ситуации. Оккупированные советскими войсками Маньчжурия и северная часть Кореи сразу же стали базой коммунистических преобразований. Все трофейное, да и, видимо, значительная часть советского оружия оказалось в распоряжении руководимых китайскими коммунистами армий, что позволило им резко усилить свои позиции и нейтрализовать военную силу гоминьдановского правительства. Решающую же роль в победе сыграло идеологическое поле напряжения, о котором идет речь в данной главе.

Китайские коммунисты и Коминтерн еще в 30-х годах создали это поле, которое в условиях политической нестабильности, вызванной поражением Японии и советской оккупацией, и становившегося все более очевидным вакуума силы сыграло в 1949 г., как и несколькими годами ранее во Вьетнаме, решающую роль. Китай, как и Вьетнам,

оказался лишенным иммунитета по отношению к идеям коммунизма именно потому, что цивилизационно был податлив для соответствующих настроений. Нечто подобное произошло и в оккупированной советскими войсками Северной Корее, хотя здесь вообще не стоило бы говорить о каком-либо выборе и об активной роли масс: режим коммунизма был жестко навязан Корее оккупантами и их ставленниками во главе с Ким Ир Сеном.

Ситуация в целом достаточно понятна и убедительна. Конфуцианский цивилизационный фундамент не только не был несовместим с идеями и принципами марксистского социализма, но, напротив, оказался в чем-то внутренне близок такого рода идеям, что не могло не сыграть своей роковой роли в судьбах соответствующих стран. Более того, укрепление режима марксистского социализма в странах, о которых идет речь, позволило резко усилить соответствующее поле напряжения на всем Дальнем Востоке и даже в близлежащем регионе Юго-Восточной Азии. Среди наиболее слабых частей этого региона, отмеченных тем же знаком вакуума власти, оказались Лаос, Камбоджа, Индонезия, Малайзия и даже Филиппины; косвенно поле повлияло и на события в Бирме. Однако во всех этих странах, чей цивилизационный фундамент существенно отличался от конфуцианского, многое происходило иначе, чем в Китае, Корее и Вьетнаме. Иными были даже сами марксистско-социалистические режимы там, где они все-таки были установлены, как в Лаосе и Камбодже. В Лаосе этот режим оказался заметно ослабленным, умеренным, в Камбодже, напротив, экстремальным, но зато и кратковременным.

Вообще регион Юго-Восточной Азии, хотя и оказался под заметным воздействием со стороны коммунистов, сумел найти в себе силы не только противостоять им, но и обнаружить серьезные внутренние потенциалы, позволившие усилить в этом регионе влияние капиталистического поля напряжения. Частично этому способствовала возрождавшаяся быстрыми темпами Япония. Но не только она. Нельзя забывать, что конфуцианский цивилизационный фундамент благоприятен отнюдь не только для коммунистических идей, как о том ранее говорилось. На этот же фундамент со столь же очевидной легкостью в иных обстоятельствах опираются и противостоящие коммунизму идеи и принципы капитализма. Об этом свидетельствует не только пример Японии. Китайское гоминьдановское правительство до своего поражения шло таким же путем. Более того, ситуацию на Дальнем Востоке в середине XX в. можно было бы описать с помощью классического закона физики: действие рождает противодействие. Особенно когда каждое из них опирается на свое поле напряжения, а оба поля активно противостоят друг другу именно в этом регионе.

Превращение Китая, северных частей Кореи и Вьетнама в бастионы мирового коммунизма и соответствующее резкое усиление его позиций на Дальнем Востоке заметно нарушило баланс сил в мире в пользу коммунизма, и это вызвало мощную ответную реакцию. Активизировались военные действия во Вьетнаме, хотя они в конечном счете завершились в пользу севера. Был не только принят вызов Северной Корее в 1950 г., когда Ким Ир Сен с благословения Сталина попытался было аннексировать южную часть полуострова, но и создана мощная ответная сила в виде войск ООН, успешно противостоявших агрессии. От континентального Китая отделился Тайвань, где установилась власть гоминьдана, получившего, наконец, возможность в условиях стабильности завершить свою программу преобразования страны по капиталистической модели с явной ориентацией на японскую ее модификацию. И хотя

все эти меры восстановить статус-кво не могли, а во Вьетнаме вовсе не имели успеха, в целом баланс сил, пусть несколько сместившийся в этом регионе в пользу коммунистического лагеря, был стабилизирован. Даже крушение южновьетнамского государства и последующий приход к власти коммунистических сил в Лаосе и Камбодже этот новый баланс уже не очень-то сильно поколебали. Тем более что 70-е годы, когда все это случилось, были уже временем упадка коммунистического лагеря. Приход марксистов к власти в Лаосе и особенно очевидно в Камбодже был уже чем-то вроде отчаянного пароксизма, карикатурной (в Камбодже) гримасы упомянутого лагеря.

Хотя коммунистическое поле напряжения затронуло, таким образом, значительную часть Индокитая (нельзя забывать и о Бирме, военные власти которой в немалой мере питались за счет все тех же идей), Юго-Восточная Азия в целом и тем более в островной ее части оказалась в ином положении. Здесь было заметным соприкосновение обоих полей, но цивилизационный фундамент региона оказался менее податлив для коммунистических идей и более подходящ для капиталистических.

Преимущество капитализма и воздействие соответствующего поля ощутили на себе и реализовали в первую очередь китайские мигранты-хуацяо, сыгравшие роль дрожжей в экономическом тесте Юго-Восточной Азии. А коль скоро процесс начался, то в условиях нейтральности буддийского цивилизационного пласта и слабости исламского именно конфуцианский пласт сыграл решающую роль в развитии стран региона. В сочетании с Японией, Южной Кореей, Гонконгом и Сингапуром страны Юго-Восточной Азии, за исключением четырех индокитайских (Вьетнама, Лаоса, Камбоджи и Бирмы), настолько усилили, особенно за последние десятилетия, капиталистическую активность, что баланс сил на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии вновь изменился в пользу некоммунистического юга. Этому содействовал и общий кризис марксистского социализма, вынудивший коммунистические страны, прежде всего Китай, уже в 70-х годах пойти на радикальные реформы и тем заметно подорвать позиции прежде столь высоко чтившейся и тщательно соблюдавшейся утопической доктрины.

Африка южнее Сахары

Африка, при всей несопоставимости этого полуострова (южнее Сахары) с метарегионом Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, являет собой, пусть в

миниатюре, аналогичную картину. Здесь тоже ясно фиксируются два противоборствующих поля – капиталистическое и коммунистическое. Однако цивилизационный фундамент в Африке неизмеримо слабее, слаба и социальная база власти с ее не институционализированной административной структурой. Поэтому ситуация вакуума здесь власти оказалась почти перманентной, а роль внешних воздействий, случайных обстоятельств огромной. Иными словами, все сорок с лишним молодых государств Тропической и Южной Африки с самого своего появления на свет были легко подвержены влиянию извне. Не имея иммунитета, они покорно воспринимали тот или иной поток идеологического или политического влияния, который затем мог перекрываться противоположным[^] по характеру. Только после этого многие из африканских стран обретали, наконец, желанный иммунитет.

Стоит еще раз обратить внимание на то, что влияние марксистского социализма было в Африке очень заметным с первых же шагов деколонизации. О причинах этого уже немало было сказано. Но важно добавить, что в ряде случаев это влияние держалось на прямом и активном вмешательстве, как то было в Анголе, Эфиопии, Мозамбике, Намибии, где на протяжении десятка, а то и полутора десятков лет шли непрерывные войны и соответственно потоком шло советское оружие, не говоря уже о специалистах, а то и солдатах, вроде кубинцев в Анголе. Впрочем, это же влияние, пусть в иной форме, ощущалось и в других странах вроде Танзании, Ганы, Гвинеи, Мадагаскара, Мали, Зимбабве. Список можно продолжить, но ситуация и без этого ясна: Африка оказалась податлива для распространения коммунистических идей. Правда, для закрепления там этих идей она была непригодна.

Капиталистическое влияние тоже не имело благодатной почвы для успеха в Африке. Но иммунитет, вырабатывавшийся по мере разочарования в марксистском социализме, способствовал его усилению. Иллюзии, связанные с утопическими идеями, улетучивались, а реалии жизни вынуждали прошедшую через эксперименты страну выбирать наконец рыночно-капиталистический путь. Чем дальше, тем большее количество африканских стран проходило этот тяжелый путь, а общий кризис марксистского социализма на рубеже 80 – 90-х годов окончательно прояснил все связанные с прошлыми заблуждениями проблемы. На сегодняшний день баланс политических сил в Африке убедительно свидетельствует о крахе иллюзий. Коммунистическое поле напряжения практически исчезло или исчезает буквально на глазах. Его место уверенно занимает поле капиталистическое. Однако это еще отнюдь не означает, что Африка быстро превращается в сумму буржуазных государств. Для этого у молодых африканских государств многого еще не хватает. Одно Африка имеет в достатке – горький опыт недавних заблуждений.

Этот опыт совершенно по-новому ставит сейчас проблему взаимоотношений негритянских стран Африки с ЮАР. Дело даже не только в реформах, направленных на изживание апартеида, хотя эти реформы сыграли едва ли не решающую роль в изменении отношения к ЮАР во всем мире. Дело еще и в том, что ЮАР – это витрина капитализма в Африке и что по мере разочарования в коммунистических иллюзиях Африка все более внимательно смотрит на эту витрину. Показательна в этом смысле судьба маленькой Намибии. На протяжении многих лет намибийских повстанцев содержали и соответственно ориентировали силы марксистско-социалистические. Поле коммунистического напряжения на юге Африки было огромным. Стоит в этой связи напомнить, что в Москве, где не было посольства ЮАР, было представительство АНК,

через которое осуществлялось сильное воздействие на южноафриканские дела. Но стоило только найти решение намибийской проблемы, как тот же С. Нуйома, глава намибийских повстанцев, став президентом Намибии, резко изменил свой политический курс. Правда, по времени эта перемена совпала с тем самым общим кризисом марксистского социализма, о котором не раз упоминалось. Однако сам факт показателен: придя к власти, Нуйома заботится не об идеях коммунизма, а о практической выгоде. Практическая же выгода диктует не только хорошие, но и прямо-таки близкие отношения Намибии с ЮАР. И очень похоже на то, что уже в скором времени малонаселенная, но весьма богатая ресурсами Намибия станет примерно такой же витриной африканского капитализма, что и ЮАР.

В этой связи еще раз обратим внимание и на Зимбабве, чей президент Р. Мугабе на словах продолжает провозглашать свою преданность идеям марксистского социализма, а на деле давно и весьма успешно осуществляет политику поощрения рынка и частной собственности, причем делает это не только по условиям Лондонского соглашения, но явно с трезвым пониманием реальности, т. е. так же, как и намибийский Нуйома. Быть может, нет оснований утверждать, что такая политика в случае с Мугабой является результатом резкого изменения баланса сил в Африке и практического исчезновения там присутствия СССР с его военной помощью, что представляется совершенно очевидным в случае с Нуйомой. Однако сам факт впечатляет. Он еще раз убедительно свидетельствует о том, что коммунистическое влияние в Африке исчезает, если уже не исчезло вовсе.

Исламский Восток

Страны исламского Востока и прежде всего государства арабского мира, в отличие от молодых негритянских государств Африки, давно уже до предела институционализированы в рамках жестких властных структур. И если принять, что многие страны исламского Востока долгие годы были близки к СССР и что поле коммунистического напряжения постоянно как бы окутывало мир ислама, теоретически можно было бы ожидать, что тоталитарные нормы марксистского социализма с легкостью овладеют этим миром. Однако ничего подобного не произошло, хотя и было приложено – прежде всего со стороны СССР – для этого немало усилий. Конечно,

кое-какие успехи марксистский социализм в мире ислама все же может записать на свой счет: Египет времен Насера, Южный Йемен 70 – 80-х годов, с оговорками Алжио и тем более Афганистан. Но достаточно внимательно взглянуть на этот перечень, чтобы убедиться в том, что эти успехи мнимые, что они как раз подчеркивают полный провал марксистского социализма в мире ислама, причем провал быстрый и бескомпромиссный. Почему же так

Объяснение достаточно простое, хотя для того, чтобы его понять и принять, нужно было отрешиться от прямолинейных истматовских позиций, коими руководствовались советские руководители, определявшие контуры политики в мире ислама. Ведь то несомненное обстоятельство, что между традициями ислама и лозунгами, а еще больше реалиями марксистского социализма есть немало общего и что общее здесь – прежде всего в привычной жесткости деспотизма власти, в бесчеловечности произвола администрации, в приниженности индивида и т. п., как раз и означало, что исламский мир не приемлет, не в состоянии принять марксистский социализм. Ислам – религия сильная и жесткая, даже не столько религия, сколько образ жизни. Религия здесь заменяет и идеологию, и политику, к тому же она нетерпима по отношению к любым иным идеям и несовместима с ними. Да и зачем, в самом деле, воспринимать марксизм с его лозунгами и идеями (не забудем, что марксизм – идеология западная, чуждая по происхождению), если ислам проповедует практически почти то же, не говоря уже о том, что ислам лучше просто потому, что он свой !

Руководители коммунистического лагеря не очень-то разбирались в тонкостях ислама (и потому, к слову, часто и жестоко просчитывались, особенно в Афганистане). Но они хорошо сознавали, что ислам духовно и институционально близок к марксизму именно в том, о чем только что упоминалось. Поэтому ставка делалась не только и даже не столько на тех, кто, наподобие слабого и малонаселенного Южного Йемена, открыто примкнул к коммунистическому лагерю, сколько на те сильные режимы, которые склонялись к различным вариантам исламского социализма или националсоциализма. Диктаторы Сирии, Ливии и особенно Ирака всегда были духовно близки правителям стран коммунистического лагеря, причем это ощущали обе стороны. Сходство позиций по отношению к ненавистному еврокапитализму как структуре и буржуазной демократии как ее политической форме сближало упомянутых диктаторов с коммунистическим миром и позволяло им рассчитывать на щедрую помощь с его стороны, которая лилась потоками, особенно если иметь в виду вооружение и вообще все, служащее милитаризации соответствующих арабских стран.

Важно оговориться, что ненависть к капитализму и буржуазно-демократическим нормам гибко сочеталась в этих арабских странах с экономическим прагматизмом, причем не только во всем том, что касалось умелого использования нефтедолларов, но и вообще в экономической политике. Не будучи связанными нелепыми догмами марксизма о частной собственности и капиталистическом рынке, диктаторы в странах арабского Востока охотно допускали умеренное развитие того и другого, продолжая при этом в традиционном восточном стиле жестко их контролировать. Эта политика в сочетании с нефтедолларами выгодно отличала если и не всегда процветающее, то вполне жизнеспособное хозяйство соответствующих стран. И важно в этой связи специально подчеркнуть, что правители стран, о которых идет речь, стремились и продолжают стремиться сделать из своих режимов нечто вроде третьей силы, не капиталистической и не коммунистической. В этом смысле рядом с ними стоило бы

поставить и Иран, наиболее последовательно осуществляющий именно такого рода политику.

Именно усилиями лидеров агрессивных стран арабского и вообще исламского мира биполярная структура мирового баланса сил за последние четверть века начала деформироваться, по меньшей мере в регионе Ближнего Востока. Оба поля напряжения, капиталистическое и коммунистическое, активно боролись за воздействие на Ближний и Средний Восток. Оба имели там определенные позиции, сталкивались друг с другом в борьбе, но при всем том именно в этом едва ли не наиболее хрупком для дела мира регионе сказывалась ограниченность силы обоих полей, к тому же явно нейтрализовавших одно другое. Можно даже сказать, что на Ближнем Востоке закладывались основы для своего, третьего, воинственного исламского поля напряжения, противостоявшего не без успеха двум главным полям. А центром, ядром, связующей силой и больным местом нового поля была и остается Палестина. Вот на этой-то болезненной для исламского ближне – и средневосточного мира проблеме и решили было сыграть руководители коммунистического лагеря. Расчет был прост, даже примитивен: поддержав палестинцев и резко осудив Израиль, лагерь коммунизма завоеует поддержку воинственных арабских режимов, превратит мир ислама в своего союзника и тем самым ослабит мир капитала. И если идеи коммунизма не воспринимаются на исламском Востоке, то прагматическая выгода должна взять свое.

Надо сказать, что до известной степени эти расчеты оправдались. В острой проблеме Палестины позиции коммунистов были предпочтительнее. Связи с арабским миром становились достаточно тесными, хотя и экономически выгодны именно арабам, не очень-то торопившимся оплачивать счета, например, за советское оружие, потоком шедшее в наиболее агрессивные арабские страны. Но достаточно быстро, особенно после начала нефтяного бума, выяснилось, что влиятельная часть арабского мира, аравийские монархии, сделали открытую ставку на капитализм. Выяснилось также, что без капиталистических арабских нефтедолларов агрессивные антикапиталистически настроенные режимы просуществовать уже не могут. Иранская революция внесла в нарушавшийся тем самым баланс сил свой заметный вклад, резко выступив как против капитализма, так и против коммунизма. В результате стратегические расчеты стали рушиться, а позиции коммунизма на Ближнем Востоке быстро ослабевали.

Рубеж 80 – 90-х годов завершил начавшийся процесс. Кризис марксистского социализма в планетарном масштабе практически снял с повестки для проблему противостояния двух враждующих сил. Влияние агонизирующего лагеря коммунизма быстрыми темпами шло к нулю. Авантюра иракского Хусейна продемонстрировала ярче всего, что этого лагеря больше нет, тогда как капитализм по-прежнему процветает и при этом достаточно силен, чтобы дать хороший урок любому агрессору. Логическим результатом разрядки напряженности в зоне Ближнего Востока стал разгром войск Хусейна с последующим ростом престижа Израиля и установлением с ним дипломатических отношений странами бывшего лагеря коммунизма. Жесткая конфронтация в регионе, видимо, подходит к концу. Начинается период поиска компромиссов, прежде всего в решении проблемы Палестины.

Южная Азия

Индия и соседние с ней страны, включая те, что отошли от нее в процессе деколонизации, с первых же послевоенных лет были устойчивой зоной развития по капиталистическому пути. Цивилизационный фундамент здесь оказался принципиально неблагоприятным для экспериментов в марксистско-социалистическом духе, при всем том, что в Индии есть две влиятельные компартии, одна из которых многие годы провела у руля правления такого штата, как Бенгалия, с ее столицей в Калькутте. Можно даже сказать, что индийские коммунисты настолько цивилизованны, что больше заботятся об успехах демократической администрации в той же Калькутте, чем о реализации кардинальных тезисов марксизма (уничтожение частной собственности и буржуазной демократии). Зато занесенные в Индию англичанами демократические традиции хорошо вросли в местную структуру, упрочив иммунитет по отношению к эгалитаристским и тем более революционаристским доктринам. Постепенно трансформируясь в сторону рыночно-частнособственнической структуры, страны Южной Азии, включая и исламские, достигли немалых успехов. Впрочем, это отнюдь не означает, что Индия и другие страны региона полностью интегрированы с капиталистическим Западом и готовы слиться с ним во всех отношениях. Отнюдь.

Хотя регион Южной Азии не противопоставляет себя миру развитых капиталистических стран и менее всего заботится о соз. дании чего-то вроде третьей силы, чем столь озабочены некоторые ближневосточные режимы, он тем не менее не упускает случая подчеркнуть свой нейтралитет. Индия – крупнейшая из так называемых неприсоединившихся стран. И хотя смысл неприсоединения в условиях исчезновения коммунистического лагеря как бы испарился, факт остается фактом: Южная Азия существует как бы сама по себе, сама выбирает свое место в общемировом балансе сил, включая отношения с Западом, СССР (теперь – Россией и иными республиками бывшего Союза) и Китаем. При этом внутри региона есть свои разногласия и напряженные отношения, например между Индией и Пакистаном, двумя крупнейшими странами Южной Азии.

Специфика цивилизационного фундамента и нейтралистской политики региона, особенно самой Индии, заметно уменьшают роль Южной Азии в мировом балансе сил. Коммунистический лагерь никогда всерьез на успехи в этом регионе не рассчитывал, капиталистические страны не боялись его утратить и легко смирились с нейтральным его статусом, видя в нем резонно залог некоей стабильности. За Индию никто и никогда не вел и не ведет борьбу, как за Ближний Восток или Африку, ибо здесь все было до предела ясным. Можно даже сказать, что здесь никогда не было того вакуума власти,

которым отличались многие другие страны Востока. И вовсе не потому, что государства Южной Азии традиционно сильны, – как раз напротив, они традиционно слабы, и об этом уже шла речь. Все дело в том, что государства с их стабильным политическим курсом устойчиво и надежно всегда опирались на привычные нормы существования и отвечали в своей политике этим нормам. И коль скоро о вакууме силы и власти говорить не приходится, то отсюда вытекает, что в этом обширном регионе практически не было сколько-нибудь значительных полей напряжения, ни коммунистического, ни капиталистического. Просто тех зерен, что посеяли в свое время колонизаторы-англичане, оказалось достаточно, чтобы в Южной Азии проросли капиталистические всходы.

* * *

Резюмируя все сказанное о роли внешних влияний и полей идеологического напряжения на постколониальный Восток, легко сделать вывод, что вакуум власти был не везде. Его практически не было в мире ислама, где власть традиционно внутренне сильна, и в Южной Азии, где она традиционно слаба. Зато вакуум оказался решающим фактором в Африке с ее неинституционализированной структурой и в ослабленном колонизацией, а затем японской агрессией в метарегионе Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Наличие или отсутствие вакуума силы и власти сыграло свою едва ли не решающую роль в том, что в процесс естественной вызванной веками колониализма трансформации традиционного Востока по еврокапиталистической рыночной модели вторгся силовой фактор коммунистического эксперимента.

Созданное этим влиятельным фактором мощное силовое поле своим напряжением воздействовало как раз на те регионы, где был вакуум власти и где цивилизационный фундамент в силу разных причин оказался подходящим для социальных экспериментов помарксистски. Начатые в XX в. в России эксперименты были продолжены в Китае, Корее, во Вьетнаме и ряде стран Африки, не говоря уже о Кубе или небольшом Никарагуа в Латинской Америке. На первых порах процесс отпадения от нормы и присоединения к коммунистическому лагерю одной за другой все новых стран не ощущался чересчур болезненно. Позже, однако, он стал вызывать заметную обеспокоенность, особенно среди тех, кто хорошо знал, что такое коммунистический лагерь, кто испытал на себе все прелести ГУЛАГа. Но уже с конца 70-х и особенно в 80-х годах процесс прекратился и, более того, дал обратный ход, причем чем дальше, тем ошутимее. Почему

Можно было бы просто ответить на этот вопрос, что сила коммунистического лагеря стала иссякать, а притягательность его в глазах стран Востока резко упала. И этот ответ был бы совершенно справедливым. Но остался бы другой, вполне закономерный вопрос: а почему именно так? Почему лагерь ослаб? Что обусловило его упадок и как именно это ощутили на себе те страны Востока, которые оказались к нему причастны? В самом общем виде об этом уже шла речь, и не раз. Но стоит взглянуть внимательнее на те механизмы, которые привели к известному всем результату. Или, иначе говоря,

почему коммунистический эксперимент провалился? Обязательно ли он должен был провалиться Каковы, если так, его внутренние пороки?